

В последующие дни у тех, кто остался в лагере, не было ни минуты покоя.

Ху Сюэ и Шэ Ли заканчивали варить завтрак еще до рассвета. Стоило небу едва посветлеть, как соплеменники, наспех поев, подхватывали коромысла и уходили в лес.

После того как деревянные грабли Ци Бая прошли «полевые испытания» и получили всеобщее признание, производительность труда выросла в разы. Теперь, чтобы наполнить целую корзину сладкого картофеля, не требовалось и половины дня, так что многие начали брать с собой сразу по две.

Однако нести две тяжелые корзины в руках было крайне неудобно, и тогда Ци Бай придумал решение. Он расщепил бамбуковый шест вдоль, вырезал на обоих концах глубокие пазы и привязал к ним прочные травяные веревки. Так в племени появилось первое плечевое коромысло.

Старые корзины тоже пришлось немного доработать: к ним приплели небольшие ручки-петли, за которые цеплялись веревки коромысла. Это гарантировало, что груз будет висеть ровно и не сорвется в самый неподходящий момент.

Конечно, такая конструкция была примитивной — веревки привязывались намертво. В отличие от современных коромысел с железными крюками, здесь нельзя было мгновенно сменить тару, но для нужд племени этого вполне хватало.

Зверолюды обладали недюжинной силой, и единственным, что их ограничивало, была низкая эффективность ручного труда. Теперь же, вооружившись граблями и коромыслами, они быстро заполнили всю площадь перед пещерой ярко-красными клубнями сладкого картофеля.

У оставшихся в лагере воинов работы тоже хватало.

Поскольку имущество племени внезапно приумножилось, лагерь ни на миг нельзя было оставлять без присмотра взрослых рогатых зверолов. Потребность в бамбуке росла с каждым часом: люди быстро поняли, что на гладких шестах сушить шкуры гораздо удобнее, чем на корявых ветках. Поэтому Сюн Фэн и Ху Хо, как только их раны немного затянулись, стали помогать в заготовке. Рубить бамбук они еще не могли, но вполне справлялись с тем, чтобы стаскивать поваленные стебли в лагерь. А тащить тридцатиметровое бревно через лес в течение часа — задача не из легких.

Площадь перед пещерой превратилась в сплошной склад: повсюду лежал сладкий картофель, сушились шкуры и громоздились бамбуковые заготовки.

Даже по ночам привыкшие к строгому режиму звероловды не ложились спать вовремя,

предпочитая мастерить инструменты при свете костров.

Ци Бай как раз раскалывал каменным топором очередной стебель, когда его сморил зевок. Ужин закончился недавно, а усталость за последние дни накопилась такая, что глаза слипались сами собой. Но он не спешил в пещеру — нужно было закончить еще пару коромысел.

В этот момент к нему подошла Ху Сюэ.

— Ци Бай, тебя ищет жрец Ян Ло. Поспеш к нему.

Юноша поднялся и несколько раз легонько похлопал себя по щекам, прогоняя сонливость.

— Понял, иду.

Найти Ян Ло было нетрудно. Ци Бай издали увидел его фигуру с неизменным посохом из медвежьей кости между двух деревьев, где рядами висели полоски мяса.

— Дедушка жрец, — тихо позвал он, подойдя ближе.

Ян Ло указал на вялящуюся свинину.

— Мясо почти дошло. Завтра начнем его снимать. В лес не ходи — останешься в лагере и поможешь мне всё пересчитать.

Ци Бай кивнул. Присмотревшись, он заметил, что за восемь дней куски заметно потемнели и съежились, отдав всю влагу. В воздухе стоял густой аромат соленого вяленого мяса — верный признак готовности.

Перед сном Ци Бай нашел Ту Я и передал ей распоряжение жреца. Та не возражала, лишь попросила отдать на время похода его коромысло и корзины другим собирателям.

На следующее утро, как только отряд ушел в лес, старик и юноша присели на корточки посреди площади, задрав головы к «мясному винограднику». Рядом лежали сокровища жреца: камни разных цветов и размеров, а также мотки веревок для узелков.

— Обычно зима длится десять декад, — начал Ян Ло. — Но в этом году холода пришли слишком рано. Мы должны готовиться к тому, что зима будет долгой.

Ци Бай согласно кивнул. Понятия «сто» в племени, видимо, еще не существовало, поэтому жрец использовал конструкцию «десять раз по десять». Юношу поразило, что Ян Ло не просто

исполнял ритуалы, а обладал четким чувством времени и анализировал климатические циклы. Большинство звероловов, судя по памяти прежнего владельца тела, жили сегодняшним днем, лишь смутно осознавая смену сезонов.

Ци Бай прикинул в уме: год на этой планете казался длиннее, чем на Ланьсине, но насколько — еще предстояло выяснить. С самого своего попадания сюда он вел внутренний календарь, и через год всё станет ясно.

— Обеспечить племя едой на всю зиму — главная обязанность жреца, — продолжал Ян Ло. — Если запасов не хватит и люди начнут голодать или, что еще хуже, будут вынуждены охотиться в лютые морозы... тогда жрец не достоин своего места.

Ци Бай почувствовал, какой груз ответственности старик взвалил на свои плечи.

— Дедушка жрец, мы обязательно соберем достаточно еды. А если не хватит, придумаем что-нибудь еще. Это не может быть только вашей заботой.

Вместо благодарности Ян Ло ошутимо ткнул его посохом в спину.

— Как ты можешь так думать?! — возмутился старик. — Если соплеменник совершает проступок, его изгоняют. Если жрец совершает такую роковую ошибку — разве он не должен понести кару? Знаешь ли ты, сколько пришлых жрецов на Континенте Звероловов лишились крова из-за своего недосмотра? В вопросах еды нужно отдавать все силы без остатка! Ошибки недопустимы!

Ци Бай, потирая спину, лишь недоуменно хлопал глазами. «Надо же, какой поборник справедливости, — подумал он. — А как урезать пайки рабам, так никакой щепетильности...» Из-за этой строгости Ян Ло ему всегда было неловко есть вместе с Лан Цзэ.

Ци Бай и не догадывался, что Ян Ло сейчас передавал ему не просто знания, а основы выживания жреца. В великих племенах, откуда он был родом, наставники выбирали нескольких учеников, которые годами соревновались друг с другом. Лишь один становился преемником, остальных же по достижении зрелости изгоняли. Им приходилось скитаться по миру в поисках племен, лишенных защиты богов и знаний жрецов.

В тех скитаниях гибли многие. И те, кому удавалось найти приют, держались за него изо всех сил. Ян Ло бродил по свету тридцать лет. Племя Чёрной Горы было его последним шансом, и он больше всего на свете хотел, чтобы оно процветало. И он надеялся, что его будущий преемник сможет нести это бремя с достоинством.

Конечно, Ци Бай не знал подоплеки, но по выразительному лицу старика понял — тот настроен серьезно. Ян Ло напоминал ему упрямых, но любящих дедов из прошлой жизни. Пусть их взгляды порой и расходились, в глубине души они всегда болели за своих «детей» (хотя рабы в категорию детей у Ян Ло явно не входили).

— Вы правы, — примирительно улыбнулся юноша. — Уверен, вы всё сделаете правильно. Но как вы собираетесь считать всю эту гору мяса?

В прошлой жизни Ци Бай хоть и не был математиком, но прошел через горнило экзаменов и был уверен, что в арифметике даст сто очков вперед любому первобытному человеку. Глядя на то, как мучительно Ян Ло пытается свести дебет с кредитом, он давно хотел предложить помощь, но не решался лезть в управление ресурсами племени без приглашения. Он лишь ненавязчиво демонстрировал свои способности, надеясь, что жрец сам его позовет.

И вот этот день настал. Правда, реальность оказалась далека от ожиданий.

Ци Бай стоял рядом с Ян Ло и с ужасом наблюдал за его действиями. Старик что-то бормотал под нос, перекладывая камешки, затем вязал узелок, потом снова двигал камни... Юноша окончательно запутался.

Раз Ян Ло использовал слово «десять», Ци Бай полагал, что здесь принята десятичная система счисления. Но метод жреца опровергал все законы логики. Один камень мог означать единицу, а через минуту — пятерку. Даже узлы на одной и той же веревке имели разный смысл в зависимости от их формы.

Взгляд Ци Бая невольно затуманился. Он начал следить за цепочкой муравьев, которые тащили белые крупинки еды мимо него. Они огибали камни Ян Ло, замирали у его мозолистых пальцев, шевелили усиками, словно советуясь, и продолжали свой путь в лес.

— Ты усвоил мой способ счета? — внезапно прогремел голос жреца.

Ци Бай вздрогнул и растерянно моргнул.

— А?

Ян Ло тяжело вздохнул. Считать камнями и узлами было непросто, но он надеялся на сообразительность ученика. Видимо, он слишком торопил события.

Ци Бай видел по лицу старика, что тот считает его безнадежно тупым. Ладно, пусть так.

— Дедушка жрец, ваш метод слишком сложен для меня, я не смогу выучить его так быстро. Но если нам нужно просто понять, хватит ли мяса на зиму, есть способ гораздо проще.

Ци Бай встряхнулся. Ему вдруг пришло в голову, что незачем ломать голову над чужой запутанной системой, когда он знает математику. Сказать жрецу в лоб «ты считаешь неправильно» было нельзя — нужно было сохранить достоинство старика. Но задача-то была тривиальной: выяснить общую емкость запасов и на сколько дней их хватит.

Считать каждый кусок на бамбуковых шестах по отдельности — это безумие. Ошибиться проще простого, а цена ошибки велика. Теперь Ци Баю стало ясно, почему Ян Ло выглядел таким изможденным после каждой инвентаризации в пещере.

— И какой же способ? — подозрительно прищурился жрец.

Ци Бай указал на большие плетеные корзины, стоявшие под деревьями. Ху Хо с помощниками плели их последние несколько дней специально для хранения запасов.

— Нам нужно лишь выяснить, сколько дней племя может кормиться из одной такой корзины. А затем мы наполним все остальные корзины таким же количеством мяса. Так мы сразу увидим, сколько дней жизни у нас в запасе.

Идея была проста: заменить сложное умножение простым делением на объемы. Наглядная сортировка исключала ошибки в расчетах и позволяла сразу увидеть остаток.

Ян Ло согласно, хоть и не до конца понимая, кивнул.

— Дедушка жрец, давайте просто попробуем, — предложил Ци Бай.

Он подал знак Хуань Пину, сидевшему на ветке, и тот начал по одному сбрасывать куски вяленого мяса вниз. Ци Бай принимал их и укладывал в корзину. Поскольку при засолке они старались делать куски одинаковыми — примерно по два с половиной килограмма — дело пошло быстро.

Сложность была в том, что Ян Ло установил разные нормы: детям полагалась половина взрослого пайка, а рабам — половина нормы обычного соплеменника. Это сильно усложняло расчеты. Но в итоге Ци Бай вывел цифру: племени требовалось минимум шестьдесят килограммов мяса в день.

Ци Бай даже содрогнулся, осознав масштаб. И это — только мясо, не считая овощей, которые добавляли в котлы для объема. И при таком расходе люди в племени никогда не наедались досыта. Действительно, пока сам не встанешь у руля, не узнаешь цену пропитания.

Шестьдесят килограммов — это примерно двадцать четыре куска вяленой свинины. Укладывая их в корзину, Ци Бай вел подсчет. Оказалось, что огромная корзина высотой в половину человеческого роста вмещала запас еды всего на пять дней.

Когда всё мясо было снято и упаковано, Ци Бай наконец в полной мере осознал тревогу Ян Ло.

Бесчисленные, казалось бы, туши вепрей вместе с потрохами заняли всего пятнадцать корзин. Это означало, что даже если зима не затянется, в последний месяц холодов племя останется с пустыми закромами.

Ци Бай уже привык к суровости этого мира, но впервые он так наглядно увидел, какой груз несут на себе Ян Ло и Хоу Янь. Это не паек на одного-двух человек. В племени было пятьдесят четыре души, и прокормить их в условиях после катастрофы было невероятно сложной задачей.

В отличие от ошеломленного Ци Бая, Ян Ло оставался спокоен. В его родном племени было три тысячи человек, и охотники приносили горы добычи. С детства он помогал считать запасы на огромные общины, так что примерный объем он представлял и без точных цифр.

Однако метод Ци Бая с разделением на равные доли заметно облегчил ему жизнь. Теперь не нужно было ворочать в уме камни и узлы — достаточно было видеть пятнадцать корзин и знать, что каждая — это пять дней покоя.

Поняв это, жрец тут же велел пересчитать таким же образом и запасы сладкого картофеля в пещере.

Глядя на полные корзины, Ци Бай заставил себя прогнать мрачные мысли. Пустая тревога не поможет. У него есть руки, ноги, и он живет в лесу — неужели он позволит себе умереть с голоду? Но с того дня он стал трудиться с еще большим рвением.

Дни летели в бесконечных трудах. Однажды днем, когда Ци Бай раскладывал свежесобранный сладкий картофель на просушку, в лесу послышался шум. Он обернулся и издалека увидел массивную звериную форму Сян Юя.

Охотничий отряд вернулся! И не с пустыми руками.

Их не было девять дней. Они принесли десятки корзин с солью, два тюка шкур и туши нескольких добытых зверей. Весь лагерь взорвался радостными криками. Ци Бай тоже облегченно выдохнул: это маленькое племя стало для него семьей, и потеря любого была бы невозможна.

В лучах заходящего солнца он увидел Лан Цзэ. За эти несколько дней волк словно стал еще выше и статнее. В чертах его лица исчезли последние следы юношеской мягкости, сменившись странным сочетанием хрупкости и несокрушимой воли.

Лан Цзэ тоже нашел Ци Бая в толпе. Глаза его блеснули, он едва заметно кивнул юноше. Сцена была точь-в-точь как при их расставании, и Ци Бай, уже готовый броситься навстречу, вдруг замялся и нерешительно замер на месте.

Впрочем, соплеменники не заметили их неловкости. Ян Ло, расталкивая всех, уже припал к корзинам с бамбуковыми тубусами. Приподняв листья, он увидел белоснежные кристаллы соли. Его молитвы были услышаны — Бог Зверей не оставил их.

Однако успех принес новую проблему: в пещере стало катастрофически тесно.

Пока Лан Цзэ не было, Ци Бай спал в своем углу один и не чувствовал дискомфорта. Теперь же, когда вернулись тринадцать рослых воинов, он с удивлением обнаружил, что его личное пространство сжалось до крохотного пятка.

Пещера больше не казалась просторной. Всё свободное место было заставлено корзинами, забито дровами и бамбуком. Раньше здесь жгли костры и проводили обряды, а теперь люди были вынуждены спать вплотную друг к другу. Впрочем, при нынешних холодах это было даже кстати — так было теплее.

Но из-за того, что рядом теперь находился Лан Цзэ — человек, чье присутствие Ци Бай ощущал каждой клеточкой кожи, — вход в пещеру вдруг стал казаться невероятно тесным. Благо, Ци Бай спал в звериной форме, а маленький барс не занимал много места.

Их шкуры уже были готовы. Ци Бай с гордостью протянул Лан Цзэ его овчину.

— Посмотри, какая красота! — Глаза юноши сияли. Он понизил голос до шепота: — Твой способ — самый лучший. Я сравнивал с другими, наши шкуры получились мягче всех.

Лан Цзэ принял овчину. Ци Бай немного расстроено добавил:

— Жаль только, я не нашел тех желтых цветов, о которых ты говорил. С ними шкура бы еще и пахла приятно.

— Это Цветы Лунного Духа, — Лан Цзэ бережно погладил мех. Заметив непонимание на лице друга, он пояснил: — Маленькие желтые цветы. В степи их целые поля. Когда они распускаются, это самое красивое зрелище на свете. — Это были любимые цветы его матери-отца, их всегда приносил отец с охоты. — В следующем году, когда они зацветут, я принесу их тебе.

Ци Бай не придавал значения тому, что рогатый зверолод собирается дарить ему цветы, он уже увлеченно планировал:

— Точно! Нужно будет набрать побольше. Интересно, если их высушить и добавить в сок трав, останется ли запах? Обязательно попробуем в следующем году. Если получится, заготовим впрок.

— Угу, — тихо отозвался волк.

Ци Бай, устраивая свое гнездо, продолжал болтать:

— В пещере теперь очень холодный пол. Ты тоже подложи побольше сухой травы, когда будешь ложиться.

Увидев, что Лан Цзэ кивнул, Ци Бай превратился в белоснежного барсика и юркнул в свое укрытие. Свою овечью шкуру он сложил вдвое прямо поверх соломы — получалось уютное и теплое гнездышко, где можно было проспать всю ночь, не боясь продрогнуть.

Лан Цзэ смотрел на неподвижный бугорок шкуры. Он долго боролся с собой, но в конце концов не выдержал и протянул руку. Из-под края меха тут же высунулась маленькая белая голова. Круглые ушки затрепетали, барс вопросительно уставился на волка. Лан Цзэ быстро отдернул руку.

— Шкура не дышит... смотри, не задохнись там.

Снежный барс послушно кивнул:

— Мяу-у...

На мгновение воцарилась тишина.

Кадык Лан Цзэ дернулся, он хотел что-то сказать, но так и не решился.

Ци Бай в отчаянии закрыл мордочку лапами. Он чувствовал, как кончики его ушей пылают от стыда — хорошо, что под густым мехом этого не было видно. Проклятая звериная форма! Любой звук превращается в жалобное мяуканье. Как унижительно!

Ци Бай снова зарылся в шкуры. «Всё, спать! Усну — и забуду об этом позоре».

На следующее утро он всё еще чувствовал себя неловко. Долго ворочался в своем гнезде, собираясь с духом, а когда наконец решился вылезти, обнаружил, что место Лан Цзэ уже пусто. Тот давно ушел.

Ци Бай, забавно косолапя, добежал до водопада, быстро умылся ледяной водой и почувствовал, как жизнь возвращается в тело. Взбодрившись, он примчался к кострам.

Но в лагере сегодня не спешили завтракать. Все соплеменники собрались в круг, не отрывая глаз от жреца Ян Ло, стоявшего на каменном возвышении.

Ци Бай примостился с краю и наконец услышал новость, которую ждал так долго.

<http://bllate.org/book/15816/1429170>